

КОНТЕКСТ

С.П. ПОЦЕЛУЕВ*

«КВАЗИНАРРАТИВ»: К ПЕРСПЕКТИВАМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

Аннотация. Статья нацелена на осмысление перспектив использования концепта квазинарратива в методологии политической науки. Отправным пунктом размышлений автора выступает дискуссия о специфике политического нарратива, обусловленная конкуренцией эсценалистского и релятивистского подходов к его истолкованию. Отмечая роль развитого в традиции Narrative Policy Framework понятия «индекса нарративности», автор ставит вопрос о необходимости осмыслиения роли квазинарративов в политическом дискурсе. «Квазинарратив» – это зонтичное понятие для всех видов необычной нарративности, так или иначе не вписывающейся в стандартные определения (понятия) нарратива. В статье отмечается, что концептуализация неестественных нарративов актуализирует вопрос о границах повествовательности как таковой. Квазинарратив играет на границе повествовательности, но оставаясь в ее орбите, отличается от псевдонарратива, который лишь имитирует ее главные отличительные признаки. С опорой на работы известных нарратологов (Брайана Ричардсона, Джеральда Принса, Робин Уорхол и др.) автор предлагает обзор основных видов квазинарратива. К ним отнесены ненарративное [unnarrated], диснарративное [disnarrated], ноннарративное [nonnarrated], денарративное [denarrated], антинарративное [antinarrative], а также неповествуемое [unnarratable] в нескольких его разновидностях и категориальная пара «недорассказанного» [undernarrated] и «сверхрассказанного» [overnarrated]. В заключительной части статьи формулируется ряд соображений и гипотез

* **Поцелуев Сергей Петрович**, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет; главный научный сотрудник лаборатории политологии и права, Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: spotselu@mail.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН на 2025 г., № 125011200149-6

относительно методологического потенциала данной категориальной сетки в таких исследовательских областях политической науки, как экспликация неявных властных (идеологических) установок и стратегий в дискурсе, когнитивно-эмоциональные игры с медийной аудиторией, дискурсивные игры с цензурой, конструирование и деконструкция политических идентичностей, потенциал квазинарративов в прогнозировании социально-политических кризисов.

Ключевые слова: политический нарратив; эссециалистский vs релятивистский подходы; Narrative Policy Framework; индекс нарративности; неестественная нарратология; квазинарративы; когнитивно-эмоциональные игры.

Для цитирования: Поцелуев С.П. «Квазинарратив»: к перспективам литературоведческого концепта в политической науке // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 225–248. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.10>

Введение

Как заметил израильский политолог Шауль Шенхав, нарративный анализ в политической науке не опирается на собственную прочную традицию¹, поэтому всем интересующимся изучением политических нарративов никогда не лишне заняться адаптацией соответствующих понятий из литературоведения, коммуникативистики, лингвистики, и не в последнюю очередь – психологии. Тем более что уже в 1980-х годах американский психолог Теодор Сарбин пришел к выводу, что нарратив выступает «корневой метафорой» психологической науки. В пользу этого сильного тезиса Сарбин сформулировал «нарративный принцип: люди думают, воспринимают, воображают и делают моральный выбор в соответствии с повествовательными структурами» [Sarbin, 1986, р. 8]. Эта когнитивная принципиальность нарратива сопровождается его семиотической, пространственной и культурно-исторической универсальностью, когда «рассказывание – в почти необозримом разнообразии своих форм – существует повсюду, во все времена, в любом обществе; <...> преодолевая национальные, исторические и культурные барьеры, оно присутствует в мире, как сама жизнь» [Барт, 2000, с. 196]. Такая вездесущность нарративов закономерно служит основанием их междисциплинарных исследований. Неслучайно Филипп Хэммак и Эндрю Пилецки, развивая идеи своего учителя о нарративе как корневой метафоре психологии, выдвинули тезис о нарративе как

¹ Shenhav S. Narrative Analysis. Oxford Bibliographies. Last reviewed 12 September 2024. Last updated on 29.11.2020 – DOI: 10.1093/obo/9780199756223-0324 – Mode of access: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756223/obo-9780199756223-0324.xml> (accessed: 20.06.2025).

корневой метафоре *политической* психологии. Отмечая отсутствие единой объединяющей парадигмы в этой науке, американские психологи предложили в качестве таковой как раз «нarrатив» [Ham-mack, Pilecki, 2012, p. 75–76].

Однако первейшая методологическая проблема, которая встает при попытке сделать из нарратива парадигмальный концепт в любой научной дисциплине, не только в политической психологии, состоит в его определении.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, во-первых, с опорой на анализ существующих определений нарратива вообще и политического нарратива в особенности поставить вопрос о методологической целесообразности понятия политического квазинарратива; во-вторых, оценить из перспективы политической науки методологический потенциал категориальной сетки квазинарративов, разработанной в современной нарратологии, а также связанные с этим исследовательские перспективы.

В качестве основного метода исследования автор применяет сравнительный анализ концептов в междисциплинарной перспективе.

Политический нарратив: проблема дефиниции

Поскольку систематическое изучение нарративов первоначально было предпринято литераторами, логично обратиться к их определениям повествовательности, но с учетом специфики политической науки, которая имеет дело главным образом¹ с нарративами реальных людей, а не вымышленных персонажей. Такая специфика обнаруживает недостаточность толкований нарратива, ориентированных исключительно на внутреннюю структуру текста произведения при абстрагировании, с одной стороны, от его дискурсивного контекста, а с другой – от реального мира, на который представленная в повествовании история спроектирована.

¹ Эта оговорка учитывает тот момент, что «исторические книги, новостные репортажи, автобиографии в каком-то смысле не менее вымыщлены, чем то, что традиционно классифицируется как таковое. Фактически некоторые процедуры, используемые при анализе художественной литературы, могут быть применены к текстам, традиционно определяемым как “нон-фикшн”» [Rimmon-Kenan, 1983, p. 3]. Однако здесь есть одно важное ограничение: художественные тексты, в отличие от того же новостного репортажа, не скрывают своего статуса «фикшн».

В этом плане удачным представляется концепт «трех аспектов нарративной реальности» или повествовательного дискурса, предложенный Жераром Женеттом. Нарративный дискурс является, по Женетту, повествованием в собственном смысле (*récit*) (т.е. повествовательным текстом) благодаря связи с историей (*histoire*), которая в нем излагается; а в качестве дискурса он существует благодаря связи с нARRацией (*narration*) как коммуникативным актом, который его изрекает (и в этом смысле порождает) [Женетт, 1998, с. 67]. Правда, в традиции структуралистского литературоведения главным в нарративной реальности оказался именно текст, тогда как наличие инстанции рассказчика, а также стоявшая за произведением реальность стали несущественными. Но вопрос о том, какой именно структурный признак повествования следует считать решающим для его *differentia specifica*, является у литературоведов спорным. С чем они более или менее согласны, так это с утверждением, что нарративными являются «произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие» [Шмид, 2003, с. 13]. Теоретик русского формализма Борис Томашевский развил теорию, где фабульная история характеризуется как целостный процесс перехода от завязки (начала) через кульминацию (середину) к развязке (концу). Причем этот процесс опосредован противоречием (коллизией) и борьбой (интригой) интересов персонажей произведения [Томашевский, 1996, с. 180–181].

Вопрос, однако, состоит в том, следует ли переносить развитые в литературоведении понятия фабулы, сюжета, интриги и т.д., на понятие политического нарратива? Ведь на формальную специфику последнего влияет не только то, как трактуется нарратив, но и то, как понимается политический дискурс. Как верно было замечено, «многие нарративы разрабатываются или распространяются не с политической целью, в то время как другие явно создаются политическими деятелями в стратегических целях, чтобы убедить их в переменах или повлиять на них» [Crow, Berggren, 2014, р. 133]. Но если нарративы создаются не с политической, а какой-то иной целью, значит ли это, что они по определению не могут быть политическими? Утвердительный ответ возможен только при отвлечении от социально-политического контекста таких нарративов, а он может придавать им вполне конкретный политический смысл, о котором авторы данных нарративов могут даже не подозревать. С другой стороны, намеренно сконструированные для по-

литических целей нарративы способны утрачивать политический характер в силу ряда факторов [Соловьев, 2025, с. 81].

В практике обсуждения специфики политического нарратива выделяются как минимум две стратегии, которые можно условно обозначить как *эссенциалистская и релятивистская*.

Эссенциалистский подход предполагает наличие в политическом нарративе набора (системы) сущностных признаков, утрата которых ведет к исчезновению его *differentia specifica* как особого жанра политического дискурса. Релятивистский подход толкует эту видовую специфику политического нарратива как нечто субъективное и ситуативное, тем самым отождествляя политический нарратив практически с любыми текстами, обращающимися в пространстве дискурса [Соловьев, 2025, с. 77].

А.И. Соловьев называет известную теорию Narrative Policy Framework примером «эссенциалистского прочтения нарратива в контексте его функционально-ролевого профиля в публичной политике», поскольку в NPF «политическая роль нарративов жестко связывалась с наличием единой структуры политических повествований» [Соловьев, 2025, с. 79]. И хотя NPF допускает возможность включения большего или меньшего количества элементов в структуру политического нарратива, есть определенный стандарт, который используется в большинстве исследований NPF (обстановка, персонажи, сюжет, мораль истории) [Shanahan, Jones, McBeth, 2018, р. 335]. Уже сам набор стандартных элементов политического нарратива характеризует его формальную специфику в сравнении с неполитическими нарративами. К примеру, под «моралью» политического нарратива понимаются именно прагматически ориентированные сентенции, которые могут не всегда выглядеть как политические решения каких-то персонажей рассказа, но в любом случае побуждают к определенным политическим решениям, наводят на мысль о таких решениях.

Что касается упомянутой релятивистской стратегии, то ее показательным примером может служить «минималистское структурное определение» политического нарратива, предложенное Ш. Шенхавом. Примечательно, что в качестве образца для своего определения израильский ученый выбирает дефиницию нарратива, высказанную литературоведом Ш. Риммон-Кенан: «любые два события, расположенные в хронологическом порядке, будут составлять историю (story)» [Rimmon-Kenan, 1983, р. 19]. Шенхава привлекает в этой дефиниции то, что она «не требует ни причинно-

следственной связи между событиями, ни указания на постоянный набор персонажей» [Shenhav, 2005, р. 79].

Важно, что аргументы в пользу аналогичного определения политического нарратива Ш. Шенхав подкрепляет ссылками на специфику политической коммуникации. Так, наличие не просто темпоральных, а причинно-следственных связей между событиями может, по его словам, оказаться проблематичным критерием для определения политических нарративов, поскольку установление причин часто становится яблоком раздора в политических дебатах, а политический дискурс «фактически является одним из механизмов достижения коллективного согласия по поводу причинности» [Shenhav, 2005, р. 81]. На наш взгляд, такая аргументация не очень сильная, причем не только потому, что не менее фактическим в политике является установление причин, приводящих к согласию, а политический дискурс может работать и как механизм раздора; очевидно также, что Шенхав смешивает здесь политическую конвенциональность причинности с ее объективной необходимостью в качестве когнитивного условия осмысления мира посредством нарратива. Аналогичным образом израильский ученый отвергает в роли необходимого критерия политического повествования наличие в нем истории с различными началом, серединой и концом, а также интриги, поскольку это якобы «сужает» политический нарратив, оставляя за бортом «политические доклады об институтах, бюджетах и бюрократических проблемах, которые несколько далеки от вопросов, волнующих главных героев» [Shenhav, 2005, р. 84].

Отвергая повествовательную завершенность и связность в качестве критерии политического нарратива, Ш. Шенхав замечает, что «даже если бы эти критерии существовали, возможное отклонение кандидатов на нарратив, не соответствующих им, сузило бы наш кругозор до конкретных сюжетных структур или жанровых условностей повествования» [Shenhav, 2005, р. 82]. Но именно поэтому и нужен концепт необычного (неестественного) нарратива (или *квазинарратива*), который бы отражал его статус аномальной и вместе с тем неотъемлемой части семейства нарративов. В релятивистской же парадигме признание за всем, что похоже на нарратив, собственно нарративного статуса достается дорогой ценой – полным выхолащиванием различия между повествовательным и неповествовательным дискурсом.

Эта проблематика нашла отражение в традиции Narrative Policy Framework, а именно в понятии индекса нарративности (*narrativity index*) как «показателя того, сколько нарративных эле-

ментов и стратегий включено в одно повествование» [Crow, Berggren, 2014, p. 147]. По мнению Элизабет Шанахан и ее соавторов, у политического повествования должен быть хотя бы один персонаж – этим повествование отличается от неповествования вроде хронологии или отчета. Но являются ли, например, слоганы или наклейки на автомобильном бампере нарративами? По словам Э. Шанахан и др., «эти фразы не являются повествовательными, потому что персонажи, которые более четко определяют намерения автора, просто не проявляются. Но как насчет Твиттера? YouTube? Мемов?» [Shanahan, Jones, McBeth, 2018, p. 336].

Именно для концептуализации структурного разнообразия нарративов, в особенности тех, что выражены невербально, в NPF и предлагается «индекс нарративности». Представленные в соответствующих исследованиях наборы элементов повествовательной структуры не претендуют на универсальность, а заточены на конкретные случаи. Но они показывают, что сам факт вариаций и дефицитов в составе базовых структурных элементов (что мы обозначаем статусом «квази-») политического повествования неизбежно ведет к отрицанию или обеднению его общей структуры, в особенности ее коммуникативной составляющей с учетом присущего политическому нарративу «полифонического звучания» [Мусихин, 2024, с. 122], а также «возможности выявления имплицитных нарративных стратегий в индивидуальном и групповом сознании» [Подшибякина, 2023, с. 89].

В целом понятие «индекса нарративности» определяет то, что можно назвать *квазинарративностью*, скорее с количественной стороны, как разные степени дефицита базовых элементов нарративной структуры. Предполагаемое же нами понятие политической квазинарративности, напротив, нацелено на ее качественную характеристику: как свойства нарративной структуры быть представленной в политическом дискурсе в имплицитных, аномальных и редуцированных формах. Разумеется, это не исключает ее описания и в количественных терминах по аналогии с «индексом нарративности». Однако развертывание понятия квазинарративности в политическом дискурсе выходит за рамки данной статьи, где мы, ограничиваясь аспектом текстовой структуры повествования, лишь ставим вопрос о целесообразности использования самого понятия квазинарратива в методологическом инструментарии политической науки.

Такое ограничение неслучайно: как справедливо заметил Ш. Шенхав, нарратология как ведущий подход к систематическому

изучению нарративов был разработан в основном литературоведами и «до сих пор не адаптирован к вопросам, актуальным для политики»¹. Это особенно верно в случае концепта квазинарратива, который в наиболее развитом виде представлен тоже у литературоведов-нарратологов.

Квазинарратив как концепт «неестественной нарратологии»

За рубежом в последние пару десятилетий появились литературоведческие работы, в которых понятие нарратива разрабатывалось в русле попыток дополнить существующую нарративную теорию с учетом обилия постмодернистских и авангардистских текстов. Эти попытки со временем вылились в «неестественную нарратологию» (*unnatural narratology*) как «самую захватывающую новую парадигму в теории повествования и самый важный новый подход с момента появления когнитивной нарратологии» [Alber, Nielsen, Richardson, 2013, p. 1]. Всех теоретиков «неестественного повествования» характеризует неприятие «миметического редукционизма», т.е. требования объяснять все основные аспекты повествования в первую очередь реалистическими моделями. Сюда относятся художественные тексты, которые с позиции «естественного» повествования представляются бессюжетными, бессмысленными, произвольными, бессвязными и противоречивыми (абсурдными). Сами авторы, пользующиеся концептом неестественных нарративов, признают его многозначность как нечто, впрочем, нормальное.

Среди современных научных работ, посвященных тематике неестественной повествовательности, особо значимыми представляются труды американского литературоведа Брайана Ричардсона. Для него основополагающим критерием неестественного повествования также является нарушение миметических конвенций, которые управляет «разговорными естественными повествованиями»². А в художественном дискурсе неестественные нарративы

¹ Shenhav S. Narrative Analysis. *Oxford Bibliographies*. Last reviewed 12 September 2024. Last updated on 29.11.2020 – DOI: 10.1093/obo/9780199756223-0324 – Mode of access: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756223/obo-9780199756223-0324.xml> (accessed: 20.06.2025).

² Первоначально термин «неестественный» был противоположен по смыслу понятию разговорных естественных повествований (conversational natural

бросают вызов внутренне согласованной истории (фабуле) с ее связкой, кульминацией и развязкой, самому различию между фабулой и сюжетом и т.д. [Richardson, 2013, p. 16].

Насколько нам известно, среди литературоведов-нarrатологов первым концепт «квазинарративного» в подразумеваемом нами смысле стал использовать именно Б. Ричардсон. К сфере квазинарративного британский ученый относит так называемые полунарративные жанры вроде анналов и хроник, а также портрет и набросок. Он рассматривает их как «минимально повествовательные формы» или как бессюжетные повествовательные прогрессии (упорядочивания) на основе интертекстуального, риторического, коллажного и т.д. принципов упорядочивания художественного содержания. Хотя эти произведения обходятся без принципов сюжетного упорядочивания, они остаются повествованиями, поскольку в них присутствует причинно-следственная связь между последовательными событиями, пусть слабая или необычная. Самым интригующим аспектом такого рода произведений он считает «их игру на границе повествовательности, а не то, какую сторону они в итоге занимают» [Richardson, 2019, p. 21].

Нарратологом Гарольдом Мошером были предложены для обозначения таких промежуточных (смешанных, гибридных) форм нарративности концепты «описательного повествования» (descriptized narration) и «повествовательного описания» (narratized description) [Mosher, 1991]. Хотя сам Мошер называл эти дискурсивные формы «псевдов повествованием» и «псевдоописанием», современные нарратологи склонны их квалифицировать как «квазиповествование» (quasi-narrative, quasi-story) [Herman, 2009, p. 13], которое в структурном плане остается хотя и периферийным, но нарративом, который лишь функционально выполняет роль описания. Можно сказать, что в этой функции он как раз играет на границе повествовательности, как она истолковывается при эссециалистском подходе.

Б. Ричардсон в той мере разделяет такой подход, в какой он отвергает слишком широкую трактовку нарратива, утверждающую, что повествование есть способ восприятия, а не особенность текста: поэтому все, что мы читаем как повествование, таковым и является. На это американский нарратолог резонно замечает: «Мы можем попытаться прочитать закон, силлогизм, географиче-

narratives), развитому социолингвистом Уильямом Лабовом. В «полностью развитом» естественном нарративе он выделял шесть элементов (abstract, orientation, complicating action, evaluation, result or resolution, code). См.: [Labov, 1972, 362–363].

ское описание или даже случайные следы на песке как повествование, и мы можем извлечь из этого что-то ценное; но факт остается фактом: такое прочтение не преобразует данные типы текстов в нарративы» [Richardson, 2019, р. 16]. На наш взгляд, Ричардсон справедливо указывает как минимум на два момента, которые следует отнести к сущности любой повествовательности. Во-первых, нарратив должен отражать временность (историчность) человеческого существования и представлять события во времени. Во-вторых, как указывает Ричардсон со ссылкой на Б. Томашевского, для придания произведению повествовательного статуса необходимы причинно-следственные связи между событиями; без них это просто наводящий на размышления, ненарративный монтажный ряд. При этом «причинная связь событий» понимается широко, как любая «часть одной и той же общей причинно-следственной матрицы» [Richardson, 2019, р. 28]. Правда, американский нарратолог, следя литературоведческой (текстцентричной) традиции, отвлекается от важного для политической науки коммуникативного аспекта повествования, который у Ж. Женетта выражен термином «наARRации», а у П. Рикёра – проблематикой рецептивной эстетики на уровне «мимесис-III». Для французского философа построение интриги изначально соотносится с актом чтения, т. е. выступает «совместным делом и текста, и его читателя» [Рикёр, 1998, с. 94]. На это же направлен и политический нарратив, если он – нарратив, а не любой фрагмент дискурса: его рецепция аудиторией заложена в него как конечная цель.

Неестественная повествовательность может либо отрицать эти существенные черты нарратива, либо только играть в отрижение, оставаясь пусть и необычным, но повествованием. Во втором случае подразумевается квазинарратив, а вот в первом Ричардсон говорит о псевдонарративе, приводя в качестве примера текст американского писателя Дэвида Шилдса «История жизни» (аллюзию к этой же работе обнаруживает приведенный выше пример в статье Э. Шанахан и др. [Shanahan, Jones, McBeth, 2018, р. 336]). Последний представляет собой коллекцию реальных наклеек на автомобильные бамперы, организованную, правда, в тематические кластеры. Ричардсон называет такую коллекцию «псевдонарративом», поскольку она «лишь имитирует, но не включает в себя подлинное повествование, каким бы минимальным оно ни было» [Richardson, 2013, р. 18].

Значение несюжетных форм повествовательности выходит далеко за границы искусства, если мы подумаем о нарративах,

транслируемых в повседневном общении или в пространстве современных медиа, уже ставшем частью повседневности. В известном смысле эти нарративы – массовые аналоги художественных квазинарративов. Соответственно, изучать их можно с привлечением классификаций, которые уже развиты в неестественной нарратологии.

В отечественной нарратологии структурная классификация политических нарративов обычно ограничивается их естественными формами, включающими мета-, макро-, микро- (мини-), контрнарративы и т.д. [Тамерьян, Шаипова, 2024]. Среди российских политологов этот набор терминов широко используется, например, при обсуждении политики памяти¹. Дифференцированный концепт политических квазинарративов мог бы в перспективе расширить этот понятийный аппарат.

В зарубежной нарратологии развит впечатляющий концептуальный ряд, описывающий неестественную нарративность прежде всего в художественных текстах. Среди концептов, выражающих различные версии художественных квазинарративов, упомянем как минимум следующие:

Ненarrативное (The Unnarrated / Unnarration) – это те аспекты истории (story), которые остаются нерассказанными в данном повествовании, поскольку «каждый дискурс произносится на фоне всех вещей, из которых он выбирает, по той или иной причине, о каких *не* говорить» [Miller, 1981, p. 4]. К примеру, говорящий заявляет о недекватности языка для представления какого-либо события.

Нон-нарративное (The Nonnarrated / Nonnarration) – это область недосказанного в любой истории (story), состоящая из событий (или их части), о которых было решено не рассказывать, хотя они значимы для истории. В отличие от ненарративного, в случае нон-наррации «нас интересует не то, о чем не рассказывают, а то,

¹ Как убедительно показано О.Ю. Малиновой, анализ этой политики делает востребованным целое семейство «исторических нарративов»: кризис и распад «советского метанарратива» сопровождался «критическим» нарративом 1990-х, противопоставлявшим «новую» (демократическую) и «старую» (имперскую) Россию. А с начала 2000-х годов «критический нарратив» сменяется в пользу «аполитического нарратива» о России как «тысячелетнем государстве». Одновременно разворачивается «конфликт нарративов» между бывшими советскими республиками и странами бывшего «социалистического содружества». Нарративу о советском народе-победителе, освободившем Европу от фашизма, при этом противопоставляется «контрнарратив» о «советской колонизации». См.: [Малинова, 2015].

что, хотя и не рассказывается, тем не менее относится к истории» [Schmid, 2023, p. 3].

Диснarrативное (The Disnarrated / Disnarration) – это «все события, которые не происходят, но тем не менее упоминаются (в отрицательном либо гипотетическом ключе) в повествовании» [Prince, 1988, p. 2]. Причем эти события значимы для повествования и могли бы произойти. Это может относиться к нереализованным фантазиям героев истории, к неиспользованным повествовательным стратегиям и т. п.

Денарративное (The Denarrated / Denarration) – это «повествовательное отрицание, при котором рассказчик отрицает существенные аспекты своего повествования, которые ранее были представлены как данность» [Richardson, 2001, p. 168]. Б. Ричардсон определяет деннарцию именно как неразрешимое (необоснованное) отрицание рассказчиком тех событий или описаний, которые до этого момента были частью мира его же истории [Richardson, 2005, p. 100].

Антинарративное (The Anti-Narrative) обычно используется для обозначения «особо вопиющих форм неестественных нарративов, которые нарушают общепринятые повествовательные практики; такие произведения могут иметь противоречивую хронологию, искаженные повествовательные голоса или крайне непрозрачный дискурс»¹.

Неповествуемое (The Unnarratable) – это то, что не может быть рассказано или не стоит того, чтобы быть рассказанным, потому что оно нарушает какие-то конвенции и законы, бросая вызов полномочиям рассказчика или просто потому, что, будучи недостаточно интересным, не достигает порога «рассказываемости» (tellability) [Prince, 2005, p. 118].

Основываясь на работах Д.А. Миллера и Дж. Принса, американский литературовед Робин Уорхол предложила четыре категории неповествуемого (the unnarratable):

(1) *субповествуемое* (the subnarratable), которое не нуждается в рассказе, потому что это слишком тривиально;

(2) *супраповествуемое* (the supranarratable) не может быть рассказано из-за неадекватности языка описываемым событиям, которые бросают вызов повествованию как таковому;

¹ См.: Anti-Narrative. Aarhus University / Narrative Research Lab / Unnatural Narratology. – Revised 24.10.2024. – Mode of access: <https://projects.au.dk/narrativeresearchlab/unnatural/undictionary/antinarrative> (accessed: 20.06.2025).

(3) *антиповествуемое* (the antinarratable) не должно быть рассказано из-за культурных или политических норм (запретов);

(4) *параповествуемое* (the paranarratable) не будет рассказано из-за жанровых условностей; например, героиня романтической комедии не может случайно убить своего мужа в первую брачную ночь [Warhol, 2005 а, р. 222].

В одной из своих недавних работ Джеральд Принс, помимо упомянутых выше видов квазиповествовательного в художественных текстах, предложил также различать между «недорассказанным» (undernarrated) и «сверхрассказанным» (overnarrated) [Prince, 2023]. В частности, недорассказанное может означать нечто недостаточно подробно описанное, а сверхрассказанное, напротив, – нечто описанное слишком подробно. Но в обоих случаях «подчеркивается уход от условности репрезентации, позволяя читателю обратить внимание на определенные события в повествовании, нуждающиеся в этом внимании» [Шулятьева, 2024, с. 125].

Конечно, семантики упомянутых выше концептов нередко перекрываются, помимо того, что они могут получать разные толкования у разных авторов. Однако это не обесценивает аналитической ценности этой категориальной сетки как в рамках самой нарратологии, так и за ее пределами.

К перспективной тематике исследования политических квазинарративов

Использование концепта квазинарратива в социальных науках есть на сегодняшний день явление редкое. В качестве примера можно привести исследование повествований молодых людей студенческого возраста у представителей киевской школы когнитивной психологии под руководством Н.В. Чепелевой. Однако под «квазинарративами» здесь подразумевается примерно то же самое, что в данной статье называется «псевдонарративами»; это нарративы, которые являются не результатом осмыслиения индивидуального и социокультурного опыта, а «проглатыванием» образцов, которые порождаются СМИ и сцепляются между собой по мозаичному принципу. В связи с этим высказывается предположение, что субъекты, склонные продуцировать так понятые «квазинарративы», входят в число респондентов, сознательно избегающих ответов на вопросы анкеты [Зарецкая, 2015]. Напротив, российский социолог О.К. Крокинская как раз в анкетированных опросах фиксирует наличие «коротких нарративов» или «ква-

зинарративов», представляющих собой «правдивые по содержанию, но и свободные по форме, индивидуальные, авторские высказывания, позволяющие считать их достаточно полным аналогом нарратива» [Крокинская, 2013, с. 17].

Помимо понятия квазинарратива, в социальных науках уже имеется опыт использования концептов, обозначающих его конкретные виды. В качестве примера можно сослаться на любопытное исследование медицинских антропологов, основанное на анализе данных интервью, взятых у пациентов с детской онкологией и их семей в Буэнос-Айресе. По сути, это один из первых опытов (квази-)нарративного (назовем это так) анализа нефикционального дискурса. Авторы этого исследования берут во внимание три способа анализа рассказов детей и их родителей, обозначая их как нарратив – нон-нарратив – диснарратив [Vindrola-Padros, Johnson, 2014, р. 1603].

Из всех разновидностей квазинарративов наиболее широкое применение (за пределами собственно литературоведения) получил концепт диснарратива (диснаррации). Первым систематическим исследованием, посвященным диснаррации, стала книга британского исследователя Марины Ламбру [Lambrou, 2019]. Из политологической перспективы важно отметить стремление британского ученого продемонстрировать широкий спектр использования диснаррации в различных жанрах повествования, включая медийный дискурс.

В целом опыт применения указанной выше категориальной сетки квазинарративности в предметных областях за пределами литературоведения еще довольно скучен. А приведенные случаи говорят в пользу того, что в корпусе социальных наук феномен квазиповествовательности еще далек от необходимой (для статуса эффективного методологического инструмента) концептуализации.

Изучение квазинарративов в предметном поле политической науки тоже только начинается. Помимо пограничных с политологией работ лингвистов и литературоведов, анализирующих, к примеру, роль неестественных нарративов для выражения реальных политических проблем в литературных текстах [Zhang, 2021], есть редкие работы, написанные политологами, в которых неестественные художественные нарративы оцениваются в идеально-политическом ключе¹. Между тем анализ политического дискурса с использованием кате-

¹ Правда, известный нам опыт такого рода порой разочаровывает своей идеологической тенденциозностью и прямолинейной методологией. См., к примеру: [Vargas, 2018].

гориального аппарата неестественной нарратологии представляет-
ся важным элементом систематического исследования того, как
различные виды нарративов (включая необычные по структуре)
выступают средством формирования общественного мнения и тем
самым – предпосылкой принятия значимых политических реше-
ний. Другими словами, квазинарративы суть неотъемлемая часть
нарративного (в широком смысле) анализа политики.

Заметим, что понятие «нарративного анализа политики» (Narrative Policy Analysis), вошедшее в научный обиход несколько раньше упомянутого выше Narrative Policy Framework, изначально истолковывалось как попытка «применить современную теорию литературы к чрезвычайно сложным вопросам государственной политики» [Roe, 1994, р. 1]. В этом контексте под политическим нарративом подразумевается сложный дифференцированный фено-
мен, включающий не только истории (stories) (с различимыми началом, серединой и концом), но также коммуникативно «запутанные» с ними неполные истории или «неистории» (nonstories) вроде круговой аргументации, «контристории» (counterstories), а также «метанарративы» (metanarratives)¹. Такая трактовка нарративного анализа политики делает изначально востребованным ка-
тегориальный аппарат «неестественной нарратологии».

В более широкой перспективе анализ политических квазинар-
ративов можно отнести к «дискурсивно-историческому подходу», как
его определяет Рут Водак. В особенности такой анализ оказывается
созвучным «имманентной критике, направленной на выявление несо-
ответствий, (само)противоречий, парадоксов и дилемм во внутритек-
стовых или внутридискурсивных структурах»². Идентификация в

¹ Причем под «метанарративом» здесь понимается не «большой нарратив», а любое повествование, подкрепляющее предпосылки для принятия решений по вопросу, относительно которого в условиях крайне поляризованных политических споров высказываются крайне противоречивые и бескомпромиссные нарративы и контрнарративы, парализующие процесс принятия решений. «В этих случаях лучшая альтернатива – отказаться от поиска консенсуса и общей позиции в пользу метанарратива, который превращает эту поляризацию в совер-
шенно другую историю, более податливую политическому вмешательству, каким бы временным оно ни было» [Roe, 1994, р. 4].

² Wodak R. Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction / Karen Tracy, Cornelia Ilie and Todd Sandel (eds). John Wiley & Sons, Inc., 2015. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/280621881_Critical_Discourse_Analysis_Discourse-Historical_Approach (accessed: 20.06.2025).

тексте квазинарративов как каналов выражения властных (идеологических) мотивов и стратегий логично дополняет этот перечень.

Для целей критического дискурс-анализа категория диснарратации особенно перспективна. Прежде всего, она подходит для оценки неочевидного смысла какого-либо текста (в широком семиологическом смысле) по шкале утопичность – реалистичность – дистопичность. В этом случае диснарратация функционирует как один из приемов, «замедляющих» повествование. Ссылаясь на то, что не произошло (но могло бы произойти), диснарративы замедляют наше восприятие повествуемого в целом [Pyrhönen, 2005, р. 499], предполагая, что есть цель, которую нужно достичь, но которая не будет достигнута самым быстрым путем (что типично для умеренно-утопических идеологических конструктов). Далее, по словам Дж. Принса, «через изображение глупых желаний и ошибочных размышлений, того, что могло бы быть, но не есть», диснарратив, играя на различиях иллюзия vs реальность, видимость vs бытие, воображение vs восприятие и т.п., может укреплять «реалистическую» или «дистопическую» установку на происходящее. Диснарратив может выполнять и скрытую апологетическую функцию в пользу какого-то политического нарратива. «Указывая на нереализованные возможности и неиспользованные линии развития, отрицая данную норму или отвергая данную условность, диснарративное подчеркивает рассказываемость (*tellability*) повествования («Это повествование стоит того, чтобы его рассказать, так как оно могло бы быть иначе; так как оно обычно бывает иначе; так как оно не было иначе») ...» [Prince, 2005, р. 118].

Для политического дискурс-анализа очевидна, на наш взгляд, и ценность категории неповествуемого. Она помогает идентифицировать политически мотивированные стратегии, связанные, в частности, с подменой упомянутых выше субкатегорий неповествуемого (субповествуемого, супраповествуемого, антиповествуемого, параповествуемого). К примеру, противникам политики, направленной на «проработку трудного прошлого», удобно сослаться на травматизм этого прошлого в ситуации, когда фактически на него объективный анализ наложен негласный запрет. Тем самым антиповествуемое здесь по факту подменяется в дискурсе супраповествуемым. Впрочем, возможна и обратная стратегия, к примеру, когда в интересах урегулирования какого-то конфликта важным оказывается «организованное забвение» реально травмирующих событий прошлого, а противники урегулирования обвиняют своих оппонентов в стрем-

лении табуировать прошлое в свою пользу. Тем самым супраповествуемое по факту подменяется в их дискурсе антиповествуемым.

Интересную также, на наш взгляд, перспективу в политическом дискурс-анализе имеет концепт параповествуемого, если истолковать его не только в смысле условностей литературных жанров, но также в контексте идеологических стереотипов или норм политической корректности. Если – как подчеркивает Робин Уорхол – очень сильно влияние господствующей идеологии на сами формальные конвенции в искусстве, тогда тем более оно очевидно в случае формальных условностей медиийных жанров. Однако, хотя там тоже могут отсекаться целые персонажи, события и сюжетные линии, связанные с «неповествуемым», последнее все же находит окольный путь в рассказываемое через намек, эвфемизм или метонимию, или оно становится известным просто по результатам (следам) своего присутствия [Warhol, 2005 b, p. 623].

Значение развитого В. Шмидом концепта нон-нарративности также выходит далеко за пределы анализа литературных текстов. Релевантные рассказываемой истории события, не представленные на уровне ее фабулы и / или сюжета, как известно, могут манипулировать вниманием аудитории: отвлекать от одних событий, привлекать к другим. Сверх того, нон-нарративное помогает затеять когнитивную игру с аудиторией, создавая для нее «ложные пути» в развитии или прочтении повествования, контролируя ее эмоции и др.

Такую же примерно функцию за пределами функционального дискурса выполняет различие между «недорассказанным» и «сверхрассказанным». Недостаточность или избыточность сообщаемой рассказчиком информации как способ привлечения внимания аудитории к каким-то событиям может иметь четкие политические мотивы. Этот прием может быть оправдан в условиях формальных либо неформальных цензурных ограничений на обсуждение каких-то деликатных тем. В этом случае текст нарратива важен именно своей недосказанностью: представляя собой лишь малую часть мира, на который он ссылается, такой «недорассказ» делает это с целью привлечения аудитории к дальнейшему самостоятельному знакомству с богатым и неоднозначным содержанием «недорассказанной» истории. Сходным образом категории диснарративного, денарративного и ноннарративного могут описывать дискурсивно-идеологические игры в условиях политической цензуры. Причем цензуры, рассмотренной не с позиции формально-правовых институтов, а как дискурсивная практика.

В целом практически вся упомянутая выше категориальная сетка квазинарративности представляется методологически востребованной в случае восприятия массовой аудиторией медийных нарративов. Здесь открывается весьма широкое поле исследований как части становящейся политической нарратологии. В частности, интересные перспективы видятся для концепта «денаарративного» (как обозначения события, которое сначала происходит внутри повествования, а затем опровергается рассказчиком). Денааррация, как и весь концептуальный арсенал абсурдистского дискурса, в известной мере обезоруживает аудиторию, вводя ее в когнитивный ступор, но тем самым получая над ней когнитивную власть: «Когда всеведущий и авторитетный рассказчик говорит, что вымышленное пространство полностью черное, затем полностью белое, затем полностью серое, он или она создает, а затем отрицает и воссоздает вымышленный мир, и нет способа, которым это утверждение может быть опровергнуто, если только сам рассказчик не продолжит делать это» [Richardson, 2005, р. 100]. Но с такой ситуацией сталкивается не только читатель Э. Ионеско или С. Беккета; это уже давно стало каждодневной реальностью для аудитории массмедиа в эпоху «постправды».

По Б. Ричардсону, помимо упомянутого онтологического смысла «денааррации», данный термин используется также в «экзистенциальном» ключе, означая потерю идентичности. Денааррация, замечает американский ученый, вообще является «частью более масштабной и серьезной игры между утверждением и отрицанием идентичностей ... постоянно подтверждая как преобразующую, так и разрушительную силу языка повествования» [Richardson, 2001, р. 174].

При обсуждении роли нарративов в формировании идентичностей ряд исследователей стихийно выходят на проблематику, маркируемую нами термином «квазинарративы» (даже если они этот термин не используют). Это прежде всего касается концепции личного повествования как типа устной, автобиографической коммуникации, изучаемой, в частности, политическими психологами в процессе диалогического взаимодействия между интервьюером и респондентом. Это взаимодействие демонстрирует все признаки дискурсивного метания из стороны в сторону, обнаруживая дефицит связности личных историй. Обычно это рассматривается как препятствие на пути формирования идентичности, а вот лингвистический антрополог Э. Окс и психолог-эволюционист Л. Кэппс [Ochs, Capps, 2001] взглянули на это с другой стороны. По их мысли, иногда, чтобы понять, как нарративы формируют идентичность, мы должны также обратить внимание на менее связные рассказы,

истории «в стадии разработки (*works in progress*)», которые позволяют их рассказчикам справляться с проблемными жизненными ситуациями и переживаниями. «Повествования, которым не хватает связности, демонстрируют другой тип сюжета, который строится с разных точек зрения и часто разрабатывается в сотрудничестве со слушателем. Благодаря такому соавторству жизненные истории связывают отдельных людей с существующими сообществами или создают новые сообщества» [Ritivoi, 2005, p. 234]. Таким образом, квазинарративы оказываются очень важной категорией при обсуждении (прежде всего в прагматическом ключе) вопросов не только разрушения идентичностей, но также их конструирования.

Далее, при анализе социально-политической напряженности в обществе концепты, обозначающие разновидности квазинарратива, вероятно, могут быть выстроены так, чтобы отражать прогрессию этой напряженности. Здесь уместно будет провести параллель с отмеченной исследователями зависимостью между социально-экономическим положением страны и частотой употребления метафор в ее политическом дискурсе. А именно с тем, что «повышение количества метафор в политическом дискурсе – признак кризисной политической и экономической ситуации» [Гаврилова, 2004, с. 131]. Такая параллель, возможно, распространяется даже на качественный уровень: рост в публичном дискурсе живых метафор пессимистического и агрессивного содержания может коррелировать с ростом квазинарративов, наиболее сильно нарушающих естественную повествовательность. Когда мы следуем от ненarrативного и неповествуемого через дис- и ноннарративное к де- и антинарративному, мы тем самым как бы маркируем повышение неестественности повествований. Можно предположить, что обнаружение такого тренда при анализе публичного дискурса может свидетельствовать о приближающемся социально-политическом кризисе еще до того, как он примет ясные очертания.

Однако эти предположения требуют, конечно, серьезной эмпирической проверки.

Выводы

Как следует из проведенного анализа полемики вокруг специфики политического нарратива, к необходимости понятия политического квазинарратива выводит именно эсценциалистский, а не релятивистский подход к истолкованию природы политических

повествований. Однако для систематической разработки понятия политического квазинарратива требуется адаптация к политическому полю соответствующих литературоведческих концептов. Описанный выше с опорой на нарратологическую традицию дифференцированный концепт квазинарратива может послужить политической науке в качестве аналитического инструмента в целом ряде исследовательских областей, среди которых наиболее важными представляются следующие. Прежде всего, это относится к классической проблематике критического дискурс-анализа, где квазинарративы могут рассматриваться как маркеры неявных властных стратегий и морально-идеологических установок. Не менее перспективное поле исследований с возможным применением категориальной сетки квазинарративности – это когнитивно-эмоциональные игры с аудиторией в рамках ее политической мобилизации. Здесь квазинарративы служат эффективным средством привлечения / отвлечения внимания, контроля над эмоциями, абсурдизации публичного дискурса. Не менее важным представляется учет квазинарративов при исследовании дискурса политической цензуры, в особенности последствий цензурной практики для широкой аудитории, а также ее когнитивной игры с цензурными актами. Концепт квазинарратива вносит свой вклад и в осмысление одного из центральных вопросов социальных наук: генетической связи между нарративом, идентичностью и диалогом. Но для политолога этот сюжет особенно важен с практической стороны (де-)конструирования идентичностей. Наконец, дифференцированное понятие квазинарративов дает основание для выдвижения гипотез в сфере политического прогнозирования, а именно рассмотрения квазинарративного элемента публичного дискурса (по аналогии с метафорами) в качестве индекса кризисных явлений в обществе.

S.P. Potseluev*
“Quasi-narrative”: towards the prospects
of a literary studies’ concept in political science¹

* **Potseluev Sergey**, Southern Federal University; Federal Research Centre, The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: spotselu@mail.ru

¹ The publication was prepared within the framework of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2025, No. 125011200149-6

Abstract. The article aims to understand the prospects for using the concept of quasi-narrative in the methodology of political science. The starting point of the author's reflections is a discussion about the specifics of political narrative caused by the competition between essentialist and relativist approaches to its interpretation. Noting the role of the concept of "narrativity index" developed in the tradition of the Narrative Policy Framework, the author raises the question of the need to understand the role of quasi-narratives in political discourse. "Quasi-narrative" is an umbrella concept for all types of unusual narrativity that somehow do not fit into standard definitions (concepts) of narrative. The article notes that the conceptualization of unnatural narratives actualizes the question of the boundaries of storytelling as such. The author agrees that one of the essential features of the standard narrative is the representation of events in time, as well as the presence of a significant connection between them. Quasi-narrative plays on the borderline of the so-understood narrative, but remaining in its orbit, it differs from pseudo-narrative, which only imitates the narrative's main distinguishing features. Based on the works of well-known narratologists (Brian Richardson, Gerald Prince, Robin Warhol, etc.), the author provides an overview of the main types of quasi-narrative discourse, including *theunnarrated*, *thenonnarrated*, *thedenarrated*, *theantinarrative*, and *theunnarratable* in several of its varieties as well as the categorical pair of *theundernarrated* and *theovernarrated*. The article formulates several considerations and hypotheses regarding the methodological potential of quasi-narrative categorical grid in such research fields of political science as the explication of implicit power (ideological) attitudes and strategies in discourse, cognitive-emotional games with media audiences, discursive games with censorship, the construction and deconstruction of political identities, and the potential of quasi-narratives in predicting socio-political crises.

Keywords: political narrative; essentialist vs. relativist approaches; Narrative Policy Framework; narrativity index; unnatural narratology; quasi-narratives; cognitive-emotional games.

For citation: Potseluev S.P. "Quasi–narrative": towards the prospects of a literary studies' concept in political science. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 225–248. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.10>

References

- Alber J., Nielsen H.S., Richardson B. Introduction. In: Alber J., Nielsen H.S., Richardson B. (eds). *A poetics of unnatural narrative*. Columbus, Ohio: The Ohio state university press, 2013, P. 1–13.
- Barthes R. Introduction to the structural analysis of narrative texts. In: Kosikova G.K. *French semiotics: from structuralism to poststructuralism*. Moscow: Progress, 2000, P. 196–238. (In Russ.)
- Crow D.A., Berggren J. Using the narrative policy framework to understand stakeholder strategy and effectiveness: a multi-case analysis. In: Jones M.D., Shanahan E.A., McBeth M.K. (eds). *The science of stories: Applications of narrative policy framework*. New York: Palgrave Macmillan, 2014, P. 131–156.

- Gavrilova M.V. Political discourse as object of linguistic analysis. *Polis. Political studies*. 2004, N 3, P. 127–139. (In Russ.)
- Genette J. *Figures*. Moscow: Sabashnikov publishing house, 1998, Vol. 2, 944 p. (In Russ.)
- Hammack Ph.L., Pilecki A. Narrative as a root metaphor for political psychology. *Political psychology*. 2012, Vol. 33, N 1, P. 75–103. DOI: <http://www.doi.org/10.1111/j.1467-9221.2011.00859.x>
- Herman D. *Basic elements of narrative*. Chichester: Malden: Wiley–Blackwell, 2009, 249 p.
- Krokinskaya O.K. Word as a unit of narrative: Cognitive possibilities of discourse and narrative in a sociological questionnaire. *International journal of cultural research*. 2013, Vol. 1, N 10, P. 15–29. (In Russ.)
- Labov W. *Language in the inner city: studies in the black English vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1972, 412 p.
- Lambrou M. *Disnarration and the unmentioned in fact and fiction*. London: Palgrave Macmillan, 2019, 126 p.
- Malinova O.Yu. *The timely past: the symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity*. Moscow: Political Encyclopedia, 2015, 207 p. (In Russ.)
- Miller D.A. *Narrative and its discontents. Problems of close in the traditional novel*. Princeton: Princeton university press, 1981, 197 p.
- Mosher H.F.Jr. Towards a poetics of descriptized narration. *Poetics today*. 1991, N 3, P. 425–445.
- Musikhin G. Narrative as a meaning-forming element of political symbolization. *Issues of economic theory*. 2024, N 2, P. 116–133. DOI: http://www.doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133. (In Russ.)
- Ochs E., Capps L. *Living narrative: creating lives in everyday storytelling*. Cambridge: Harvard university press, 2001, 352 p.
- Podshibyakina T.A. Cognitive narratology: possibilities of use in political science. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 81–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.04> (In Russ.)
- Prince G. The Disnarrated. *Style*. 1988, N 22, P. 1–8.
- Prince G. The Disnarrated. In: Herman D., Jahn M., Ryan M. L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005, P. 118.
- Prince G. The undernarrated and the overnarrated. *Style*. 2023, Vol. 57, N 2, P. 131–140.
- Pyrhönen H. Retardatory devices. In: Herman D., Jahn M., Ryan M.L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005, P. 499–500.
- Richardson B. Denarration. In: Herman D., Jahn M., Ryan M.L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005, P. 100.
- Richardson B. Denarration in fiction: erasing the story in Beckett and others. *Narrative*. 2001, Vol. 9, N 2, P. 168–175.
- Richardson B. *A poetics of plot for the twenty-first century: Theorizing unruly narratives*. Columbus: Ohio state university press, 2019, 218 p.
- Richardson B. Unnatural stories and sequences. In: Alber J., Nielsen H.S., Richardson B. (eds). *A poetics of unnatural narrative*. Columbus, Ohio: The Ohio state university press, 2013, P. 16–30.
- Ricoeur P. *Time and narrative. Intrigue and historical story*. Moscow; St. Petersburg: University book, 1998, Vol. 1, 313 p. (In Russ.)
- Rimmon-Kenan S. *Narrative fiction*. London, New York: Routledge, 1983, 173 p.

- Ritivoi A.D. Identity and narrative. In: Herman D., Jahn M., Ryan M.L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005, P. 231–235.
- Roe E. *Narrative policy analysis: Theory and practice*. Durham and London: Duke university press, 1994, 240 p.
- Sarbin T.R. The narrative as a root metaphor for psychology. In: Sarbin T.R. (ed.). *Narrative psychology. The Storied nature of human conduct*. New York: Praeger, 1986, P. 3–21.
- Schmid W. *Narratology*. Moscow: Languages of slavic culture, 2003, 312 p. (In Russ.)
- Schmid W. *The Nonnarrated*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter Verlag, 2023, 152 p.
- Shanahan E.A., Jones M.D., McBeth M.K. How to conduct a narrative policy framework study. *The social science journal*. 2018, Vol. 55, N 3, P. 332–345. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2017.12.002>
- Shulyatyeva D.V. Narrative gapping in P. Auster's novel "4321": Towards the Problem of "nonnarrated" in contemporary narratives. *Philological class*. 2024, Vol. 29, N 1, P. 124–130. DOI: <http://www.doi.org/10.26170/2071-2405-2024-29-1-124-130> (In Russ.)
- Shenhav S.R. Thin and thick narrative analysis. On the question of defining and analyzing political narratives. *Narrative inquiry*. 2005, Vol. 15, N 1, P. 75–99. DOI: <http://www.doi.org/10.1075/ni.15.1.05she>
- Solovyov A.I. Doctrinal symbolization and the political vernacular of narratives. What is changing in the public field? *Polis. Political studies*. 2025, N 1, P. 69–87. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.06> (In Russ.)
- Tameryan T.Yu., Shaipova A.M. Political narrative: concepts, typologies and structures. *Current issues in philology and pedagogical linguistics*. 2024, N 1, P. 16–35. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-35> (In Russ.)
- Tomashevsky B.V. *Theory of literature. Poetics*. Moscow: Aspect Press, 1996, 334 p. (In Russ.)
- Vargas R.A. Unnatural narratives, emotions, and neoliberalism. *Sapientiae: revista de ciencias sociais, humanas e engenharias*. 2018, Vol. 4, N 1, P. 5–23.
- Vindrola-Padros C., Johnson G.A. The narrated, nonnarrated, and the disnarrated: conceptual tools for analyzing narratives in health services research. *Qualitative health research*. 2014, Vol. 24, N 11, P. 1603–1611.
- Warhol R. Neonarrative; or how to render the unrenderable in realist fiction and contemporary film. In: Phelan J., Rabinowitz P.J. (eds). *A companion to narrative theory*. Malden, Oxford: Blackwell, 2005 a, P. 220–231.
- Warhol R. Unnarratable, The. In: Herman D., Jahn M., Ryan M.L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005 b, P. 623.
- Zaretskaya O.A. Perceptions of personal growth in adults of different ages (Based on empirical research). In: Popov L.M., Shvetsov N.M. (eds). *Psychological support for education: theory and practice: collection of articles of V International scientific and practical conference*. Yoshkar-Ola: STRING, 2015, Part 1, P. 254–259. (In Russ.)
- Zhang D. Unnatural narratives, Brexit and ideology in Ian McEwan's The Cockroach. *Frontiers of narrative studies*. 2021, Vol. 7, N 1, P. 124–146.

Литература на русском языке

- Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196–238.
- Гаврилова М.В.* Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 127–139.
- Женетт Ж.* Фигуры. В 2 т. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 944 с.
- Зарецкая О.А.* Представления о личностном росте у взрослых разного возраста (по материалам эмпирического исследования) // Психологическое сопровождение образования: теория и практика: сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 24–26 декабря 2014 года / под общ. ред. Л.М. Попова, Н.М. Швецова. – Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2015. – Ч. 1. – С. 254–259.
- Крокинская О.К.* Слово как единица повествования: познавательные возможности дискурса и нарратива в социологической анкете // Международный журнал исследований. – 2013. – № 1 (10). – С. 15–29.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
- Мусихин Г.И.* Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – № 2. – С. 116–133. – DOI: http://www.doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133.
- Подшибякина Т.А.* Когнитивная нарратология: возможности использования в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 81–97. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.04>
- Рикёр П.* Время и рассказ. Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 1. – 313 с.
- Соловьев А.И.* Доктринальная символизация и политическое просторечие нарративов. Что меняется в публичном поле? // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 69–87. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.06>
- Тамерьян Т.Ю., Шаптова А.М.* Политический нарратив: концепции, типологии и структуры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 16–35. – DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-35>
- Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
- Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
- Шулгатьева Д.В.* Нarrативные лакуны в романе П. Остера «4321»: к проблеме «нерассказанного» в современном повествовании // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 124–130. – DOI: <http://www.doi.org/10.26170/2071-2405-2024-29-1-124-130>